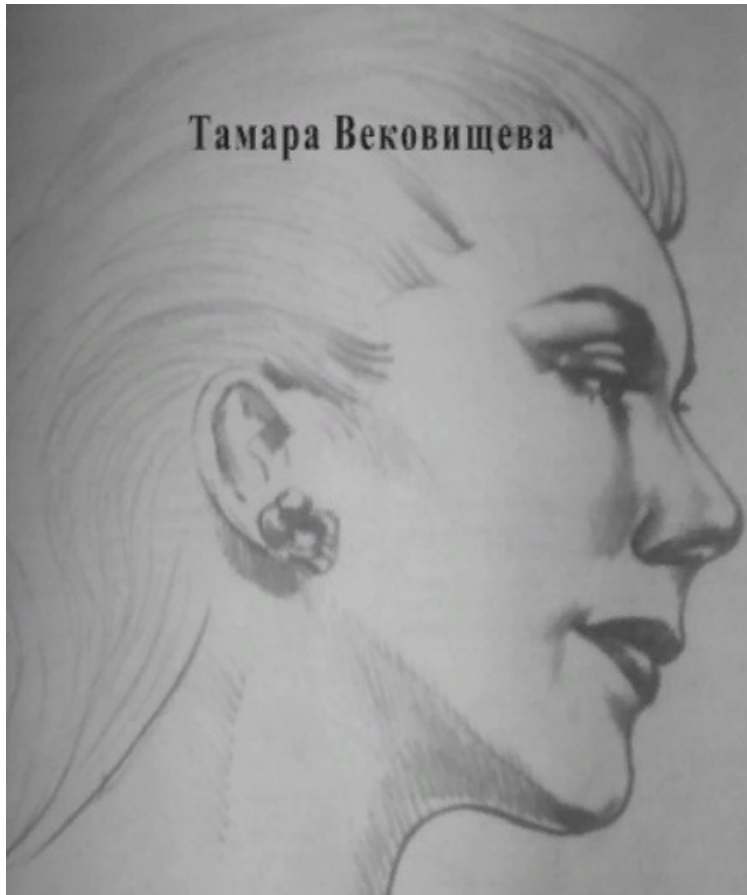

Тамара Вековищева

Женщина –

жена, мать, любовница, чертовка

Тамара Вековищева
**Женщина – мать, жена,
любовница, чертовка**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43440280

Вековищева Т.В.: «Женщина – мать, жена, любовница, чертовка»: ООО

«СУПЕР Издательство»; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-9965-0360-5

Аннотация

Моя книга о женщинах, от которых зависит род человеческий и мир на земле. О женщинах, которые дают миру любовь, основу жизни.

Содержание

От автора	5
Маргарита	6
Картошка в мундире	23
Любовь	31
Третья молодость, или секс после 70-ти	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Тамара Вековищева

Женщина – мать, жена, любовница, чертовка

© Т.В. Вековищева, 2019

© ООО «СУПЕР Издательство», 2019

* * *

От автора

Мой родной город Ленинград, Санкт-Петербург. Окончила СПбГЛТУ им. Кирова, после окончания проработала более 20-ти лет в проектно-институте ГПИ-3, проектируя заводы и фабрики лёгкой промышленности для всего СССР. Пережила перестройку, с горечью осознав потерю и разруху всего, что создал наш институт. Почти все инженеры в тот период были выброшены на улицу. Страна распределилась на два лагеря – бандитов и охранников. Я попала в лагерь охранников, так как у меня была собака ротвейлер. Долгое время охраняла наш Аничков дворец (ГДТЮ), любуясь ночным городом и великолепным садом дворца. Потом стала работать председателем ЖСК, приводя в порядок после всеобщей разрухи свой дом. Эта сложная работа вернула меня в полноценную жизнь, я почувствовала себя нужной для своего дома, для своих жильцов. И поняв, что какая бы разруха ни была в нашей стране, главное – не допустить разруху в своей голове и не попасть в лагерь бандитов, начала писать. Писать о женщине, о чувствах, страстях, любви, что является основой нашей жизни.

Маргарита

Александр и Маргарита случайно встретились в парке.

Саша обратил внимание на девушку с зелёными глазами, которые на солнце сливались с её зелёным платьем. «Какая хорошенькая, – подумал он, – но просто кукла Барби!» Саша был в том возрасте, когда постоянно хотелось засматриваться на девушек. «Сколько вокруг хорошеньких девушек», – думал он. Но почему-то именно за этой девушкой ему захотелось пойти. Он развернулся и пошёл следом. Он разбирал каждую часть тела по отдельности: «Ножки красивые, бутылочкой, как бы сказали пьющие люди – «опьяняющие», тонкая талия, а какая попка!» У него появилось невероятное желание ущипнуть эту попку. Потом стало стыдно перед самим собой за свои намерения. Маргарита, почувствовав на себе его вожделенный взгляд, резко обернулась. «Простите, пожалуйста», – сказал Саша краснея. «За что?» – удивленно спросила Маргарита. – «Да просто так!» – улыбаясь, сказал Александр, и они вместе расхохотались. Их знакомство вскоре привело к женитьбе. Они любили друг друга и считали, что им в жизни здорово повезло в том, что судьба соединила их.

Через год появился желанный ребёнок, сынок, которого называли Егоркой. Врачи ещё в роддоме обнаружили у мальчика церебральный паралич и даже предложили Маргарите

отказаться от ребёнка. Но об этом Маргарита не хотела ни слышать, ни думать. Ей пришлось отказаться от престижной, интересной работы. Вся её дальнейшая жизнь превратилась в работу за здоровье ребёнка. Мальчик сильно отставал от нормального развития. Он плохо двигался, поэтому целыми днями мать массажировала тельце ребёнка. Когда пришло время ребёнку ползать, он не ползал. Тогда Маргарита долго не давала сыну есть, вызывая в нём чувство голода, ставила перед ним миску с едой, и когда ребёнок тянулся к еде, отодвигала миску. Таким образом, ребёнок у Маргариты благополучно пополз. Врачи удивлялись терпению, мужеству матери и её успехам. Маргарита прочитывала и изучала множество медицинских учебников по церебральному параличу и пособий по массажу. Она даже стала помогать многим детям, страдающим таким же недугом, как и её сын, своим профессиональным массажем.

На протяжении шести лет с мая по октябрь Маргарита находилась с сыном в детском санатории в Евпатории, где каждый час и каждый день был посвящён только Егорке. Александр восхищался своей женой и боготворил её, в любое свободное от работы время он летел на самолёте к своей семье. Работники санатория удивлялись тому, что Маргарита чуть ли не каждый день получала от мужа длинные письма. А он писал, писал обо всём, у него, также как и у Маргариты, была необходимость в этих письмах. Большая и преданная любовь мужа придавала силы Маргарите, хотя иногда при-

ходили минуты отчаяния и вставал вопрос – зачем? Зачем отдавать свою жизнь ради больного ребёнка? Кому нужен больной ребёнок? Стране? Обществу? Никому он не нужен. Мне? Мужу? Мы в состоянии родить ещё здорового ребёнка. Значит, мной владеет только материнский инстинкт? Но, если природа наградила меня таким сильным инстинктом, тогда природе это необходимо. Когда Александр прилетал, несмотря на то, что ребёнок не мог ходить, вся семья всё равно была счастлива. Счастливее всех Егорка, он не понимал своего недуга, его окружали больные дети, правда, не к каждому так часто прилетал папа, а некоторых вообще не посещали родители. Егорка не знал ничего плохого, зато хорошо чувствовал, что такое любовь. В один прекрасный момент Егорка поднялся и сделал шаг. Маргарита не могла про такое счастье говорить по телефону, она должна немедленно вылететь домой и только воочию сообщить об этом мужу.

Александр был доцентом Политехнического института и в это время принимал экзамены у студентов. Последней на экзамен пришла длинноногая, красивая девица, которая ничего не смогла ответить по экзаменационному билету.

– Почему Вы не подготовились? – спросил Александр Иванович. Студентка разрыдалась и заявила:

– Уважаемый Александр Иванович, если бы Вы только знали, как мои родители против того, что я учусь, они хотят, чтобы я работала, и заставляют меня работать в столовой, мыть посуду. А я мечтаю получить образование.

– Если Вы так стремитесь учиться, то я пойду Вам навстречу и дам Вам ещё два дня на подготовку. Послезавтра в три часа приходите в этот же кабинет на передачу. До свидания.

Студентка Плотникова Наталья, приехавшая из далёкой деревенской глубинки, во что бы то ни стало решила выбиться в люди, получить образование, остаться в Москве. Правда, от природы она была ленива и с большим трудом дошла до 3-го курса. Она даже подумывала, не соблазнить ли ей Александра Ивановича, а может, удастся женить его на себе. Всё-таки молодой, а уже профессор, хорош собой, и небольшая седина на висках придавала ему привлекательное благородство.

В назначенный час она пришла к нему изысканно скромно одетой. Белая блузка, застёгнутая на все кнопочки, длинная узкая чёрная юбка, правда, с очень глубоким вырезом чуть ли не до самой талии.

– Так, студентка Плотникова, подготовились?

– Меня зовут Наталья.

– Хорошо, студентка Наталья Плотникова, подготовились? Я прошу Вас ответить на те вопросы, которые были в предыдущем билете.

Александр сидел за столом, и, вдруг, Плотникова упала перед ним на колени и зашептала:

– Александр Иванович, как я могу подготовиться, когда все дни и ночи Вы не выходите из моей головы. Я в Вас уже

давно безнадёжно влюблена, а Вы этого даже не замечали!

– Что за бред, Плотникова!

Почувствовав её ловкие ласковые руки на своих бёдрах, он застонал. То, что она с ним вытворяла, не поддавалось ни одному его профессорскому понятию, но вожделенный мужчина в нём проснулся.

– Наташа, что Вы со мной вытворяете? В любой момент могут войти.

– Не беспокойтесь, я дверь закрыла.

Когда Александр Иванович пришёл в себя, то заявил:

– Несмотря на всё произошедшее, экзамен я у Вас не принимаю, давайте Вашу зачётку, я напишу «неуд».

– Александр Иванович, оказывается, я Вас не удовлетворила?

– Наталья, настоятельно прошу Вас забыть, что здесь сейчас произошло. Мне нужны только Ваши знания сопромата, всё остальное к учёбе не относится.

«Какая я дура! – подумала Наталья. – Дура. Так лохонуться и просчитаться, надо было хотя бы малую малость выучить, и тогда бы всё было в порядке. Но, ничего, я ему ещё покажу, я не привыкла сдаваться».

– Александр Иванович, зачётку не дам, мне Ваши неуды не нужны, я ещё сумею сдать этот идиотский сопромат.

– По крайней мере, я у Вас принять не смогу. – Я могу хотя бы рассчитывать, что Вы меня довезёте до моего общежития?

– Можете, идите к машине, я сейчас выйду.

Александр необходимо было придти в себя. Да, ему было неслыханно хорошо, такого состояния он никогда не ощущал, и в то же время сейчас он чувствовал себя очень гадко. «Довезу её до общежития и забуду всё, как страшный сон», – решил он.

Когда Александр подходил к машине, Наталья бросилась к нему навстречу, поцеловала и сказала:

– Заждалась, спасибо, что не забыли обо мне.

Он открыл дверцу машины, и они поехали. Как раз в этот момент Маргарита, зная, что Александр ещё на работе, прямо из аэропорта примчалась к нему, чтобы скорее сообщить радостную весть. Но, когда увидела длинноногую девицу, целовавшую Александра, Маргарита в безумном угаре схватила такси и отправилась назад в аэропорт.

В машине Наталья опять пыталась совратить Александра, но он с брезгливостью оттолкнул её.

– Ах, мы какие брезгливые, чистенькие, профессорщик драный! Скажите, пожалуйста, он брезгует мной. Ничего, я научу Вас обрабатывать, пахать и выращивать картофель на бескрайних просторах нашей Родины. Покажу, что такое настоящая работа. Вы у меня ещё попляшете в деревне под балалайку! – разошлась Наталья. – У меня дядя один из помощников Мэрии города. Вы что, забыли, что час назад изнасиловали меня прямо в своём кабинете? Ха-ха, профессор-извращенец!

Она вышла из машины и с силой ударила по дверце машины.

Через два дня на кафедре поступило строжайшее предписание из Мэрии: профессору А.И. Новикову явиться на приём к Б.Л. Савицкому. «Боже мой, так некогда, а приходится являться на какие-то там приёмы», – подумал Александр и пошёл. Войдя в кабинет, он с радостью признал в Савицком Борьке своего друга по институту.

– Сашка, ты? Профессор. Во, даёшь!

– Борька, ты? Зам. главы города. Во, даёшь! Как я рад тебя видеть. Сколько лет, сколько зим!

– Саш, а я-то как рад! Мы же всегда были с тобой неразлучными друзьями. Первыми парнями на нашем факультете. Вспомни, как девчонки за нами бегали!

– А ты вспомни, как мы за ними бегали! Помнишь, как мы с тобой в одну и ту же девчонку Иринку были влюблены, чуть не подрались.

– Ой, Сашуль, чего же только не было. А сейчас чего ты натворил, бабник несчастный! Развратом у себя на кафедре занимаешься. Что у вас с Плотниковой произошло? Страшнейшая жалоба на тебя поступила, хорошо, что в руки ко мне попала.

Александр молчал, не сваливать же всё на Плотникову.

– Не понимает она в сопромате ничего, а я не смог принять у неё экзамен.

– Ладно, можешь не продолжать, я хорошо знаю эту Плот-

никову.

– Она твоя племянница?

– Да ты что! Она моя любовница.

– Борька, не моё, конечно, дело, ты что, получше себе любовницу не мог найти?

– Понимаешь, Сашка, жалко девчонку. Она же из деревенской глубинки. Тебе хорошо, ты всю жизнь в столице прожил, а она в деревенском магазине водкой торговала, а там все мужики от безделья спились, и каждый норовил к ней под юбку залезть. Какая у неё перспектива, детей от пьяниц нарожать. Поэтому любыми путями и борется, чтобы в столице остаться. А для меня она как наркотик, без которого я уже не могу, привык к ней, секс тоже не последнее дело, мне с ней хорошо, жалею её и помогаю. Хотя у меня жена хорошая, но люблю её только как жену, и дочь прекрасная, ей уже 10 лет, умница, через 8 лет к тебе определю. Не возражаешь?

– Борь, так что же ты одну Плотникову жалеешь? Как же все остальные люди, живущие в глубинках. Ты же у нас государственный деятель, что Вы сделали, чтобы возродить жизнь в сельской местности. Москву для них расширяете? Так это абсурд, до деревни всё равно не расширите. – Саша, только давай без политики. Ты лучше расскажи, как сам живёшь.

– У меня, Боря, прекрасная жена, она для меня всё, и без неё я бы жить не смог. Сынишке моему уже скоро семь лет. Так что, тоже всё хорошо.

– А ты представляешь, как бы эта Плотникова могла испортить тебе всю жизнь! Не беспокойся, я направлю к тебе на кафедру соответствующее объяснение, и всё будет хорошо. А Плотникову, пожалуй, переведу в другой ВУЗ.

– Боря, только не в технический, там она учиться не сможет. Тебе большое спасибо за всё. А за мной отличная бутылка коньяка. Борис Львович достал из бара бутылку коньяка и сказал:

– Вот и коньяк, который мы с тобой сейчас спокойно разопьём, а с тебя самый лучший ресторан города. И с девочками, понял.

– Понял, Боря, ресторан за мной, а с девочками обессудь.

– Тебе обессудь, а мне надо, и это тебе не Плотниковы, это женщины высшего круга! Готовься, тебе это встанет в копейчку!

Борис Львович рассмеялся, вызвал секретаршу и попросил её приготовить закусочку к коньячку. Секретарша, виляя бёдрами, всё исполнила.

– Ты видишь, какие у меня кадры! Могу устроить.

– Борь, прекрати, давай лучше за жизнь поговорим, как раньше.

Так они просидели за рабочим столом полтора часа и разошлись, довольные друг другом.

Александр не на шутку забеспокоился: Маргарита не звонила и не отвечала на его звонки. Он хотел написать ей письмо, но не знал, что писать, не писать же о том, что с ним

произошло. Он почувствовал себя очень одиноким, впервые у него появилась тайна от неё. Только на третий день Маргарита устало ответила ему:

– Саша, я тебя слушаю.

– Маргарита, что случилось? Отвечай, не скрывай, я места себе не нахожу от твоего молчания. Что-то с Егоркой, признайся, не держи в себе, мне легче будет.

– С Егоркой всё хорошо, он начал ходить. – Так почему ты столько дней молчала? Это же такая радость!

– Ходит, плохо, но ходит. Извини, я очень устала, больше не могу говорить.

Она отключила телефон и упала на кровать. Что с ней творилось, она сама себе не могла объяснить. Что-то в её организме сломалось, и она потеряла все силы. Целыми днями Маргарита лежала в постели и не могла встать, даже к Егорке не ходила, у неё просто не было сил. Александр позвонил к врачам санатория, спрашивая не о сыне, а о Маргарите.

– Александр Иванович, мы не можем понять, что с Вашей женой, она целыми днями лежит в своей комнате и не выходит. Вам необходимо увезти её домой и показать специалистам.

Александр сразу же прилетел в санаторий. Маргарита лежала, без всяких эмоций.

– Риточка, моя дорогая ненаглядная Маргариточка, собирайся, летим вечерним рейсом домой. Только на несколько минут сбегая к Егорке, должен же я увидеть, как он ходит.

– Папа, папочка, ты видишь, как я хожу!

К нему, протянув руки и смешно ковыляя, старался бежать Егорка. Отец обнял его и почувствовал, как по лицу прокатились слёзы. «Какое счастье! – думал он, – теперь только Маргариточку привести в порядок».

Александр положил Маргариту в Военно-медицинскую академию, которой заведовал его лучший друг Олег Степанович. Олег Степанович заверил Александра, что проведёт все необходимые обследования его жене и вернёт её к жизни. Через две недели Олег Степанович сказал:

– Александр, пока ничего не могу тебе объяснить, что и как, анализы неплохие. Сейчас ты заберёшь жену домой на две недели, потом опять к нам на дополнительное обследование.

После дополнительного обследования Олег Степанович заявил, что есть подозрения на скоротечный рак. К сожалению, этот вид рака лечению не подлежит. Александр схватил Олега за горло и чуть не задушил:

– Ты что мелешь, чёртов светило! Ещё три месяца назад она была самой здоровой женщиной на свете! Такой, как она, на всём земном шаре нет, понимаешь, нет! С какой стати она так сразу заболела?

– Таковую болезнь мог спровоцировать только очень сильный стресс.

– Какой стресс? У нас только что случилась большая радость – больной ребёнок начал ходить! На этот раз ты, све-

тило, ошибся! Она будет жить, и мы с Маргаритой придём ещё к тебе посмеяться. Ха-ха-ха!

– Александр, ей осталось жить не больше трёх месяцев.

– Пошёл ты куда подальше, чёртово светило!

Александр понял самое страшное для себя, что во всём виноват он сам. Но как Маргарита могла узнать об его измене, ему было неясно. «Она очень сильно меня любит, а любящая женщина всё чувствует и понимает, да, она всё поняла», – размышлял Александр.

Маргарита таяла с каждым днём. Александр привёз сына и устроил его в ближайшую школу, он начал ходить в школу, как обыкновенный ребёнок. Это радовало, но что делать с Маргаритой, он не знал и страдал от беспомощности.

– Сашенька, я привыкла в жизни бороться и побеждать, а сейчас у меня нет сил. Неужели это конец?

– Даже не думай, сейчас мы победим вместе. Ты только поверь мне.

– Сашенька, прости меня за всё, я так мало дала тебе радости, то Егорка болел, теперь я.

– Это ты прости меня, – сказал Александр и хотел продолжить, но Маргарита испугалась, что он сейчас начнёт ей во всём признаваться, приложила палец к губам, чтобы он не продолжал. Она понимала, что если и был у мужа какой-то срыв, то во всём виновата только она сама. Маргарита видела, что муж любит её, поэтому хотелось дальше жить, только чтобы не делать ему больно.

Когда Егорка вернулся из школы, то заявил:

– Мамочка, ты всё болеешь и болеешь, а когда умрёшь, оставишь мне свою фирму по наследству?

Маргарите стало так плохо, что она на самом деле чуть не умерла. Александр подскочил к сыну и, впервые ударив его по попе, вытащил за ухо из комнаты.

– Саша, дай мне слово, что завтра же все мои акции фирмы ты переведёшь на детские дома, если ты этого не сделаешь, я не буду дальше жить.

– Маргарита, я всё сделаю, как ты просишь. Но прости Егорку, он ещё сам не понимает, что говорит. В школе у них сейчас все дети хвастаются, у кого родители богаче.

Через два дня Егорка подошёл к матери и сказал:

– Мамочка, все мальчишки, мои друзья восхищаются тобой, говорят, что ты классная! Раз решила все акции передать детям, у которых нет родителей. Мамочка, знаешь, как я горжусь тобой! И очень сильно люблю тебя. Ты же не умрёшь?

– Конечно, нет, куда же я денусь от такого хорошего сына, – сказала Маргарита и опять ушла в забытье.

Александр накормил Егорку, посадил его делать уроки и пошёл посмотреть на Маргариту. «Какая она красивая, когда спит, с прекрасной улыбкой, в этот момент не поверишь, что она смертельно больна», – думал Александр.

– Саша, – проснулась Маргарита, и опять на её лице появилась смертельная печать. – Саша, я хорошо себя чув-

ствую только во сне. Когда я сплю, мне так хорошо.

– Что же тебе снится, моя дорогая?

– Когда просыпаюсь, знаю, что было очень хорошо. А вспомнить, что снилось, не могу.

– Если бы ты во сне выздоравливала, то я бы тебя не будил, а поцеловал бы, как спящую красавицу в сказке, чтобы ты проснулась здоровой.

Александр отсчитывал каждый день, третий месяц подходил к концу. В эту ночь он долго не мог уснуть и лежал в полудрёме. Вдруг он явно почувствовал, что кто-то взял его за руки и, потянув их, сказал:

– Пойдёмте, не бойтесь, держитесь за меня.

Александр и не было страшно, почувствовав сильные руки незнакомца, ему стало очень спокойно, он ощутил чувство полёта. Они очутились в громадном старинном замке. Этот замок не имел потолка, а только очень высоко виднелся прозрачный купол. Зал, в котором они находились, был очень большой и красивый, стены деревянные с колоннами. Наконец, Александр рассмотрел своего незнакомца. Это был очень высокий и красивый мужчина лет сорока, он казался мужественным и сильным, и в то же время от него веяло добротой и простотой.

– Где я? – спросил Александр.

– К сожалению, я не смогу Вам объяснить, потому что Вам будет не понятно.

– Зачем Вы меня сюда притащили! – грубо крикнул Алек-

сандр.

– Прошу Вас не кричать. Я великолепно прочитываю все Ваши мысли. И Вы можете не задавать вопросы вслух, я и так знаю, о чём Вы думаете. Вы должны понять, что в этом мире не принято возмущаться. Здесь царит гармония. – Не понимаю, как можно жить без эмоций!

– У нас есть эмоции, но мы пользуемся только положительными. У Вас сейчас могут возникнуть множество разных вопросов, но я не смогу Вам ничего объяснить, Вы просто не готовы. Вы здесь не для того, чтобы что-то понять, Вы здесь из-за Вашей жены Маргариты.

– Зачем Вам моя Маргарита? Вы хотите её отобрать у меня?

– Запомните, здесь никто, никогда и никого не отбирает. Всё происходит по взаимному согласию. Вы видите, на другой стороне зала стоит группа из мужчин и женщин. Обратите внимание на высокого мужчину, он смотрит в нашу сторону и наблюдает за нашим разговором.

Александр посмотрел и увидел красивого мужчину в белом одеянии, который приложил правую руку к сердцу и поклонился.

– Он Вас приветствует, будьте вежливы и также поприветствуйте его.

Александр не понимал, но сделал такой же жест.

– Этот человек, зная Вашу земную несдержанность, попросил меня переговорить с Вами по поводу Маргариты. Он

уже давно любит Маргариту, раньше, чем Вы её. Он постоянно следил за её жизнью. Он и Вас направил к ней, видя в Вас порядочного человека.

– Так это он хочет отнять её у меня!

– Вы ошибаетесь, дело в том, что они с Маргаритой часто встречаются, я думаю, что и Маргарита к нему равнодушна.

– Так что, она мне изменяет! – опять крикнул Александр.

– Я просил Вас не кричать. Ваши вопросы здесь кажутся глупыми и неуместными. Человека, который поклонился Вам, интересуется только, насколько сильна Ваша любовь. Не забывайте, что с Маргаритой Вас познакомил он. Если Вы не сможете доказать свою любовь, он спокойно заберет её. Вас в дальнейшем будет ожидать не менее счастливая жизнь. Со временем Вы встретите новую достойную женщину, которая примет Вашего сына, и всё у Вас будет хорошо. Есть время подумать.

– Вы что, решаете здесь наши судьбы?

– Иногда планируем, но человек сам решает и выбирает свой путь. Поклонитесь ещё раз этому мужчине, и я верну Вас обратно.

Александр освободился от своей дремоты, встряхнул голову и подумал: «Надо же такому присниться».

Он вбежал в спальню Маргариты, она лежала на месте.

– Саша, может, ты ляжешь сегодня со мной?

– Конечно! – радостно воскликнул он, лёг рядом с ней,

обнял свою Маргариту и, боясь уснуть, всю ночь не выпускал её из своих объятий. Маргарита прижалась к мужу, чувствуя, как к ней переходит его сила. Наутро ей стало легче. Каждую последующую ночь он ложился рядом с ней, держа её в своих объятиях, боясь, что могут её забрать. Прошло три месяца. Маргарита стала приходить в себя. Сначала она начала улыбаться, потом подниматься с постели и, наконец, пошла так же, как и её сынок. Видя, что Маргарита стала поправляться, Александр заперся в своём кабинете, разрыдался, потом встал перед открытым окном, положил правую руку на сердце, поклонился и сказал: «Спасибо!»

Картошка в мундире

Когда у моей подруги Галки родители уехали в санаторий, она бросила клич: «Гуляем!!!» И почти каждый день в её квартире собиралась компашка в основном из студентов и остальных друзей с выпивкой, стихами, песнями и танцами. В комнате накрывался громадный стол с незатейливыми закусками, а в большой кухне устраивались танцы. На одну из таких вечеринок Галкин знакомый привёл своего друга с гитарой. Друга звали Валерка. Он хорошо играл и пел, и в этот вечер был душой компании. После долгого сиденья за столом решили размяться танцами. Включили на всю катушку музыку, и самым первым танцем оказался рок-н-ролл. Валерка, словно расправленная пружина, вскочил, схватил меня и мы пустились в танец рок-н-ролла. Что это было? Это было безумство музыкально-танцевальных страстей! Начали степенно, как и положено по классике этого танца, но по мере раскручивания музыки быстро перешли в неистовство. Валерка кидал меня то на правое, то на левое бедро, то пропускал между ног, подкидывал, ловил, закручивал, раскручивал. Потом, вдруг, слегка согнувшись, лицом друг к другу, мы остановились, продолжая выделять кренделя руками и ногами, долго, не моргая, смотрели глаза в глаза, как бы кидая вызов «Кто кого?». Валерка не выдержал, он притянул меня к себе, сильно прижал, а затем быстро раскрутил в од-

ну сторону, потом опять прижал и раскрутил в другую. Мы вместе так хорошо чувствовали и понимали музыку, что у нас всё ладно и отлично получалось, как будто долгое время тренировались. Неистовство танца продолжалось, нас было не остановить, мы не чувствовали усталости, так как энергетически подпитывали друг друга. Все окружающие, заведённые нашим танцем, визжали от восторга, топая в такт ногами, кричали; «Давай, давай, ещё, ещё!» Мой длинный хвост, завязанный на самой макушке, дополнял наш танец красивым подпрыгиванием. Вдруг он развязался, и длинные белокурые волосы рассыпались по плечам, а я, как шаманка, с горящими глазами стала крутить головой. Валерка попытался прошептать мне на ухо, но изошёл на крик: «Бестия, белокурая бестия! Приходи завтра в пять вечера к Лиговскому метро, и попробуй только не придти!»

Целых пять дней мы встречались на квартире Валеркиного друга, который был в эти дни в командировке. Что творилось на этой квартире, можно догадываться по нашему танцу. На ночь не оставались. После девяти вечера Валерка начинал смотреть на часы, говоря, что его ждут. Кто, почему, — я не спрашивала, меня не так уж сильно это волновало. В часы наших встреч нам было так хорошо, что всё остальное не имело значения. Мы отдавались той музыке, которая завела нас до безумной страсти ещё в первый день знакомства и до сих пор не отпускала.

Он уже с порога встречал меня голым. Это было смеш-

но, озорно и счастливо. Конечно, смешно, кому нужен его модный костюм. Валерка тоже не замечал, в чём я была одета. Хотя старалась нарядиться и накраситься. Всё это сразу же снималось и смывалось. Нас интересовало друг в друге только наша суть, наша стать и наша плоть, остальное было ненужной шелухой. В эти часы внешний мир для нас не существовал. Он, я и космос, это то, что бесконечно, неведомо, и что питало наши тела энергией. Энергия, как и в танце, была ключом, казалось, что этому не будет конца. Но наступил пятый день. Валерка принёс картину, которую он нарисовал для меня. На картине были изображены мы, со спины, обнявшись, склонив друг к другу головы, а перед нашими глазами был изображён красивейший закат ярко-красного цвета. К картине был прикреплён листок с Валеркиными стихами. К сожалению, прочитать я их не успела, так как потеряла листок где-то на лестнице, когда возвращалась домой.

А через несколько дней начинались майские праздники. Позвонил Валерка, сказав, что майские праздники будет встречать со своими друзьями на озере Красавица и пригласил меня вместе с моими друзьями присоединиться, чтобы создать одну общую компанию для веселья. Мои друзья и я прибыли на указанное место. Там уже были расставлены четыре палатки, и вовсю разгорались два больших костра. Мы быстренько поставили рядом свои две палатки. Под общий гогот и приветствия расположились у главного костра, которым руководил Валерка. Нам сразу же выдали приличные

штрафные, и веселье разгоралось так же, как костёр. Были среди нас даже смельчаки, которые открыли купальный сезон, с визгами окунувшись в воду. Они за это получали дополнительную похлёбку со стаканом водки для растирания и принятия внутрь. Вокруг костра бегали трое возбуждённых и счастливых ребяташек, погодки от четырёх до шести лет. Под пьяной болтовнёй выяснилось, что матерью этих детей, причём от разных мужей, была Мария, которая сидела напротив меня рядом с Валеркой. Эта женщина почему-то заинтересовала меня, так как она была какой-то необычной, отличающейся от остальных. Возраст такой же, как у всех, но выглядела намного старше. Совершенно некрасивая, полная, с маленькими непонятно какого цвета глазками, нос напоминал маленькую картошину. У неё были маленькие пухлые губки, круглые щёчки и двойной подбородок. За что могли её полюбить трое мужчин, не понятно. Какой же силой она обладала, постоянно притягивая мой взгляд? Когда она вставала и шла, то это была поступь королевы. Она шла медленно, плавно, величаво, и почему-то окружающие расступались перед ней, а самое главное, провожали её взглядом. Если она делала, как бы лениво, молчаливый жест рукой, то все с готовностью выполняли её указание. Говорила она редко, но если начинала говорить, то остальные замолкали.

Говорила тихо, медленно, но с какой-то настойчивой твёрдостью, как бы не терпя возражений, и никто ей не возражал. На лице всегда была постоянная полуулыбка, эта

улыбка иногда выражала лёгкое пренебрежение, а иногда доброту и ласку. Маленькие глазки просверливали говорящего насквозь, и он мог внезапно замолкнуть. «Ведьма», — подумала я и любезно ей улыбнулась. Валерка взял гитару и стал петь. Все начали ему подпевать, забылась городская суета, стало свободно, хорошо и спокойно.

Потом Валерка ударил по струнам и запел громко с озорной хитринкой в глазах:

Моя дорогая не блещет
Красою,
Ни милой улыбкой,
Ни русой косою,
Ни маленькой ножкой,
Ни прелестью стана,
Чем блещут всегда
Героини романа.

После этих слов все стали незаметно поглядывать на Марию, как будто эта песня посвящалась ей. А он продолжал:

Признаться нескромно,
Но всё же не скрою,
Я сам дорогую купаю
И мою.
Я с милой одежды
Снимаю несмело,
Чтоб видеть скорее

Желанное тело.
Чтоб видеть и трогать,
Себя обжигая,
Желанный кусочек во рту
Зажимая.
И что бы на жарком костре Вы ни варили,
Нет лучше картошки,
Картошки в мундире!

Закончив сладостную песню, он скомандовал: «Налетай!», показывая на догорающий костёр, где под углями и пеплом лежала чёрная аппетитная картошка. Все начали с большим усердием доставать её, проглатывая нетерпеливые слюни. В то же время Валерка жестом показал мне на лес, и уже через минуту мы встретились. Как же было прекрасно в зеленеющем и пахнущем весной лесу! Одурманенные запахом и красотой, мы почувствовали такое единение с природой, что теперь уже не космос, а я, он и природа были единым целым.

Наша страстность была уже другой, не слабой, нет, но сопровождавшаяся такой хрупкой щемящей нежностью, что хотелось плакать как перед разлукой. Я сильно прижалась, желая полностью раствориться в нём. И в пиковый момент потери сознания шептала: «Ты, ты, ты понимаешь, что ты это я, ты это я!» – «Да, – закричал он, дойдя до полуобморочного состояния, – ты, это я, ты, это я!» Обратно возвращались, крепко держась за руки, как будто боялись потерять

друг друга. Шли очень медленно, ноги не подчинялись нам. Наконец вышли к опустевшему, догоревшему костру. Вдруг около Валеркиной палатки я увидела ведьму. Валерка лихорадочно отбросил мою руку, а из открытого полога палатки выглянула счастливая девчушка: «Папочка, папочка, где же ты пропадал, мы так долго ждали тебя!» – «Солнышко моё, я любовался природой», – и, мгновенно забыв обо мне, юркнул в палатку. Мария спокойно с милой и доброй улыбкой сказала: «Ну что же Вы там стоите? Проходите к нам, я заварила вкусный чай из лесных трав». Сквозь дрожащие губы с большим трудом процедила: «Спасибо, я к своим», и помчалась в лес. Вдогонку услышала: «Берегитесь, скоро будет дождь». «Ве-е-едьма!» – навзрыд закричала я. Прислонившись к берёзе, как бы спрашивая её, продолжала кричать: «Ну чем, чем она покорила его? Чем она лучше меня, если он выбрал её? Ходит, как пава, да, а я не умею медленно ходить, прыгаю, как коза? Чем?» Вдруг хлынул сильнейший дождь, смывая и очищая меня от всего, что было, и меня осенило: «Так она же картошка, картошка в мундире, закрытая, тёплая, желанная. Не то, что я, – в своих чувствах вывернулась вся наизнанку! Учись, учись у мудрых дам, как завоёвывать мужчин. Не зря есть пословица, что путь мужчины к женщине лежит через желудок!» Сейчас я уже тихо повторяла: «Картошка в мундире, картошка в мундире», – поняв окончательно, что не смогу быть картошкой, да и не хочу. Вернувшись в город, домой, я с ненавистью разрезала

его картину на мелкие кусочки и выбросила, как говорят, из сердца вон, чтобы забыть всё сразу и навсегда.

Любовь

Оська ещё в 5-м классе влюбился в свою одноклассницу Соньку, стал провожать её до дома и носить портфель. Поэтому мальчишки в классе стали засматриваться на Соню, у которой были большие чёрные глаза с поволокой и жеманная улыбка с кокетливой ямочкой на правой щеке. Переходя из класса в класс, Ося всё больше и больше влюблялся в Соню, а так как везде и всюду он сопровождал её, мальчишкам и в голову не могло придти разъединить их. Соня же привыкла к его обожанию как к чему-то обязательному и необходимому. Поэтому сразу же после окончания школы они поженились, так как уже не могли представить жизнь друг без друга. Хотя Ося был маленьким, худеньким с большим горбатым носом и пышной кудрявой шевелюрой, но с золотыми руками, умеющими делать всё и хорошо. После окончания медицинского техникума судьба определила его в мастера золотых рук по протезированию. Пациенты с проблемными зубами вставали в очередь, чтобы попасть только к нему. Кроме того, его сокурсник, занимавшийся антиквариатом и изготовлением золотых изделий, частенько приглашал Иосифа Павловича к себе в помощники. Судя по всему, зарабатывал Иосиф вполне прилично и содержал свою Сонечку в большом достатке. Любил её безмерно, и Сонечка, отвечая на его большую любовь, привязывалась к нему с каждым годом всё сильнее и

сильнее. Жили они очень счастливо, в друзьях не нуждались, вдвоём наедине им всегда интересно. Друг от друга никогда не было никаких тайн, всегда и во всём советовались. Никто не был умнее другого, поэтому и интересы у них были одинаковые. Иосиф Павлович не разрешал своей жене работать, тем более что хозяйка она хорошая, в доме всегда чисто, уютно и пахло вкусной едой. Иосиф Павлович, устроив по трудовой книжке Софью Яковлевну на своей работе уборщицей, сам за неё убирался, зарабатывая для неё трудовой стаж. Несмотря на свою большую занятость, он находил время и развлекать свою Сонечку, регулярно посещал с ней театры, цирк и даже филармонию. Баловал её любыми, какими бы только она ни пожелала, нарядами и драгоценностями, при этом радуясь подаркам больше, чем она.

Драгоценности отвечали полному смыслу этого слова, приобретались у его сокурсника антиквариата за немалые деньги. Софья Яковлевна от такой жизни не только хороше- ла, но и начинала полнеть. Но Иосифу Павловичу в своей су- пруге нравилось всё и её полнота тоже, от которой он сильно возбуждался. Ему очень нравилось надевать на её полнень- кие ножки обувь, особенно в театре, переодевая в изящные туфли, а на выходе из театра в модные сапожки, создавалось впечатление, что этот процесс ему больше нравился, чем сам спектакль. Приходя со спектакля домой, усталые и счастли- вые, они заваливались в свою кровать, и Ося всегда при этом любил говорить, что у них самая лучшая кровать в мире.

После трёх лет безоблачной и счастливой жизни Сонечка родила сына. Конечно же, родители баловали своего ребёнка с пелёнок, ведь сынок был результатом их большой любви, и с самого раннего детства ему внушали, что он самый красивый, самый умный и талантливый мальчик. Впитав эти определения с молоком матери, он на всю жизнь решил, что самый красивый, самый умный и талантливый. Он и правда был красивым мальчиком, но не талантливым, то есть полная противоположность своему отцу. В школе учился плохо, но своим одноклассникам умел внушать, что он самый умный. А родители каждый год ходили на поклон к завучу, выделяя деньги то на ремонт школы, то на покупку разного инвентаря, лишь бы мальчика перевели на следующий год. После окончания 9-го класса родители устроили его в ПТУ, которое готовило специалистов по ремонту автомобилей. Там сыночек начал курить, пить и переспал со всеми девчонками из соседнего кулинарного училища, в результате чего заболел сифилисом.

Родители за большие деньги вылечили его. Потом он начал наркоманить, частенько хватая своего щуплого папанечку за грудки, требуя от него деньги на очередную дозу. Опять с большими затратами привели своего сына в сомнительную норму. Но Игорёк вдруг заявил своим родителям, что надоело ему жить в этой грёбаной стране и он собирается уехать в Израиль, куда зовут его друзья. Мать ахнула, присела, схватившись за сердце, запрочитала, как же он будет жить в чу-

жой стране без них. «Мои дорогие родители, я устроюсь, и Вас ещё к себе заберу», – заявил сынок. Родители при расставании прослезились, а в душе перекрестились.

Может, и правда, начнёт там новую жизнь, смирилась Софья Яковлевна. Иосиф Павлович хоть и жалел сына, но втайне для самого себя обрадовался тому, что сынок больше не будет нервировать Сонечку. Вскоре Игорёк прислал успокаивающее письмо о том, что устроился хорошо и что скоро всё у него будет в полном ажуре. К себе не звал, писал редко, но не забывал два раза в год поздравлять родителей с днём рождения. Через год заявил, что женился, а ещё через год порадовал родителей, что у них появилась внучка Сара. Родители обрадовались и успокоились. Сонечка назвала своего мужа дедулей, а себя бабулей, и они спокойно вошли в свою бывшую счастливую жизнь, живя только друг для друга, радуясь каждому новому дню, и ещё более трепетно и бережливо относились друг к другу, как будто боялись потерять своё хрупкое счастье. В одном из очередных отпусков вечером они сидели, обнявшись, на берегу Чёрного моря и любовались окружающей красотой. Безмятежно смотря на звёзды, отражающиеся в воде, Сонечка заявила: «Осенька, а знаешь, что ты красивый, очень красивый и что ты самый красивый мужчина во всём нашем городе!» – «А ты, Сонечка, самая красивая на всём белом свете!» – «Правда?» – доверчиво спросила Сонечка и ещё больше прижалась к мужу. А он, утопая в её тёплых и ласковых объятиях, продолжал:

«Мне кажется, что судьбы людей решаются там, на небе, все эти звёзды, в какой-то степени связаны со всеми людьми, живущими на земле. Когда звёзды падают на землю, они раскалываются на две половинки – на женщину и мужчину, и если эти половинки найдут друг друга, то они становятся очень счастливыми, как мы с тобой. Мы же с тобой разлетелись не так далеко друг от друга, жили рядом и учились вместе, нам просто очень повезло. А я сразу почувствовал, что ты моя половинка, и вцепился в тебя. Некоторые всю жизнь ищут, ищут друг друга и найти не могут».

Только один раз за всю жизнь Иосиф Павлович обидел свою супругу. Когда его, так называемые дружки, с которыми он иногда играл в шахматы в парке, подпоили и подвели к квартире сильно шатающегося, сами же опрометью сбегали вниз по лестнице, боясь получить от жены скалкой по голове. Войдя в квартиру, Ося, вдруг, сильно выламываясь, строго прикрикнул: «Жена, быстро подавай на стол, я есть хочу!» Соня всё тихо стерпела, накормила, а утром сказала: «Если я тебя хоть раз ещё таким увижу, то умру». Эти слова молнией ударили Иосифа Павловича, он так испугался, что больше никогда ни единого грамма не брал в рот.

В полном ладу они прожили ещё 18 лет, пока не пришло страшное письмо от внучки Сары, в котором она сообщала, что год назад её родители погибли в автомобильной катастрофе. Софью Яковлевну сразу же ударил сердечный приступ, с которым она долго пролежала в больнице и только

благодаря самоотверженному уходу Иосифа Павловича она вернулась домой. Ни одна мать, особенно в пожилом возрасте, не сможет окончательно пережить смерть своего дитя. Больше всего Сонечку угнетало то, что она не смогла проститься со своим сыном и похоронить его. Сонечка таяла на глазах Иосифа, и он уже ничего не мог поделать. Через месяц его любовь Сонечка умерла. Он, не задумываясь, сразу же готов был умереть и лечь рядом с ней, но жизнь распорядилась по-другому. Да, физически он продолжал жить, но его сердце и душа замерли. Он машинально продолжал ходить на работу, но не ради денег. Деньги ему были не нужны. К еде он стал относиться безразлично, кусочничая на ходу, покупая мимоходом какие попало пирожки, дома за столом никогда не ел.

Как-то раз, проходя мимо арбузной лавки, машинально купил самый большой арбуз (Сонечка раньше их очень любила), но опомнился, остановился и подумал: «Как же я буду один есть арбуз? Разве можно одному есть арбуз?» и отдал его проходящему мимо пацану. Одевался плохо, всегда носил один и тот же старый заношенный пиджак, хотя шкаф ломился от добротной одежды. Хорошо, что уборщица на работе, жалея его, всегда стирала, крахмалила и отглаживала ему медицинский халат, закрывающий убогий пиджак. Правда, он всегда с радостью давал ей займы до поллучки, никогда не беря обратно, приговаривая: «Отдадите когда-нибудь потом». Он не был жадным евреем, может, от-

того, что никогда в жизни не испытывал бедности, а сейчас, особенно, он потерял интерес к деньгам. Иосиф Павлович получал приличную зарплату, пенсию, всё это скапливалось безразличной стопочкой в шкафу, да и золотишка у него было скоплено немало. Он даже не задумывался, что дальше со всем этим делать. Понятно, что работа ему нужна была как продолжение жизни.

Спасибо руководству, которое поддерживало его, ценя за долгий добросовестный труд. Так называемые дружки в парке услужливо пытались завлечь на игру в шахматы, но он с отворачиванием обходил их. Раза три пробовал привести в дом женщин, но не мог побороть свою брезгливость, виновато, но культурно выпроваживал их. Через полгода получил письмо из Израиля от внучки Сары, которая просила разрешения приехать. Он сразу же сел за стол, чтобы отказать ей, потому что ненавидел её, считая, что она была виновницей смерти Сонюшки. Но вдруг в дверь позвонили. На пороге стояла долговязая девица, ничем не напоминающая Сонюшку. «Какая страшная», – подумал он. – «Здравствуйте, Иосиф Павлович, – вежливо сказала она, – я ваша внучка Сара». – «Почему ты приехала, не дождавшись моего ответа? А мой ответ таков, что я не пущу тебя! Убирайся вон!» – «Какой страшный и злой старик! Как же я с ним уживусь!» – лихорадочно думала Сара. Он и впрямь был страшен, особенно в гневе. Маленький, худой, горбоносый, вместо пышной шевелюры блестела синеватая лысина, и только за ушами в такт его

гнева дрожали, словно пружины, кудрявые завитки. «Уходи вон! Чтобы я никогда здесь больше тебя не видел!» – ещё более ожесточаясь, кричал он. – «Но пустите хотя бы переночевать, мне некуда деться, у меня никого нет, кроме Вас. Вы же знаете, что я сирота». – «Ах, ты сирота! Сука ты, а не сирота!» – сам, испугавшись своего непристойного слова, считая его матерным, потому что никогда в жизни не сквернословил. «Ты сирота? А кто меня оставил сиротой до конца моей жизни? Не ты ли, сука, не имеющая ни сердца, ни души, ни простой, обыкновенной порядочности, не соизволив вовремя сообщить родителям о смерти сына! Мы бы вмиг прилетели к нему попрощаться. Сука ты, и больше никто, из-за тебя и бабушка твоя ушла на тот свет, убирайся!» – «Мне что, на колени перед Вами встать, чтобы пустили, хотя бы на одну ночь?» – «Вся беда в том, что ты хочешь встать на колени не для того, чтобы просить прощение, а лишь для того, чтобы тебя пустили в дом!» – закрывая дверь, сказал он. Тогда она рухнула на колени и, плача, попросила прощения. «Заходи, но только на одну ночь». Рано утром, вставая с кухонного дивана, как ни в чём не бывало, потягиваясь, словно кошечка, улыбаясь жеманной улыбкой с ямочкой на щеке, она подошла к деду и весело сказала: «Доброе утро, дедуля».

Иосиф Павлович оторопел: «Откуда у неё такие ужимки, как у Сонечки, неужели господь бог послал Сару вместо неё? Нет, этого не может быть, ведь она такая страшенькая и в подмётки моей Сонечки не годится». Но всё же заботливо

спросил: «Может, тебе денег дать немного на первый день? Денег-то нет, наверно?» Сара не ожидала такого поворота, и, опустив глазки, тихо ответила: «Ой, нужны». Он с лихвой отсчитал ей приличную сумму, сказав: «Будешь уходить, ключи оставишь на столе и захлопнешь дверь». – «Нет уж, никуда я отсюда теперь не уйду», – подумала Сара. Намыла полы, привела квартиру в порядок, купила продукты, приготовила ужин и стала ждать деда, постоянно думая, почему же он так изменился, в чём же секрет. С этим секретом, который Сара всё же разгадала, она осталась у него жить. В один прекрасный день, разыгравшись не на шутку, улыбаясь и повторяя секретное слово «дедуля», поцеловала его в лысину. Теперь дед был полностью покорён. Дрожащими от волнения руками он вытащил из тайника шкатулку с драгоценностями Сонечки и высыпал их перед Сарой. Это тебе от бабушки. «Дед, так этих драгоценностей хватит на целую машину!» – вскрикнула она. Иосиф Павлович изменился в лице, собирая обратно драгоценности в шкатулку, зло и твёрдо вымолвил: «Продавать не дам». – «Что ты, дедуля, – опомнилась Сара, – я так рада, что ты хочешь передать мне семейные реликвии, переходящие из поколения в поколение, даже если я обнищаю, то никогда их не продам». – «Типун тебе на язык, – смягчился дед, – а если нужна машина, так купим, о чём разговор, но при одном условии, что будешь возить меня на кладбище к твоей бабуле». – «Конечно, сколько хочешь и куда захочешь, я буду твоим водителем!» – по-

обещала Сара. У Иосифа Павловича в его жизни прибавился ещё один счастливый день, когда Сара, заботливо открыв перед ним дверцу машины, посадила его на переднее место и повезла на кладбище, чтобы посетить его Сонечку. Сидя в машине, он подумал, что две старушки-вдовушки, которые сидели на лавочке около дома, здорово позавидовали ему. Каждая из них втайне мечтала, что Иосиф Павлович обратит на неё внимание после смерти Софьи Павловны. Ведь такой завидный жених пропал. Он их жалел и всегда на 8 марта дарил по букету цветов. Правда, эта счастливая поездка была первой и последней.

Сара устроилась на работу буфетчицей на разливе живого пива, поэтому ей всегда было некогда. Как-то вечером, улыбнувшись, поцеловав деда в лысину, заявила, что хочет выйти замуж. «Выходи, я буду только рад». –

«Дедуля, но не сюда же его приводить, как мы все здесь поместимся в однокомнатной квартире, а дети пойдут! – размышляла Сара, – может, мне ипотеку взять, как ты думаешь?»

«Обойдёмся без ипотеки, куплю я тебе квартиру, но при одном условии, что будешь часто меня навещать». «Конечно, дедуля, я же тебя люблю и никогда не оставлю без своей заботы», – безмерно обрадовалась Сара. Так и порешили. Сара переехала в отдельную квартиру и, как обещала, посещала деда два раза в месяц в день получки и пенсии. Каждый вечер, возвращаясь усталый с работы домой, он слышал

укоризненные вздохи старушек-вдовушек: «Палыч, сколько можно работать, ведь еле ноги-то передвигаешь. Всё ради внучки стараешься, так ей от тебя только деньги нужны». – «Я и работаю, чтобы она приходила два раза в месяц, без денег ходить не будет». Иосиф Павлович несколько раз сам заходил к внучке на новую квартиру, заставляя там каждый раз новых мужиков. «Вся в отца своего пошла, одним словом, сука», – расстраиваясь от бессмысленного посещения, раздумывал он. Когда в очередной день внучка пришла к деду, радостно целуя его, заботливо спрашивая о его здоровье, она вдруг заявила, что скоро должны приехать её друзья из Израиля. «Дедуленька, всего на три дня пусти их к себе в квартиру, а сам поживёшь у кого-нибудь из своих друзей, ко мне нельзя, ты же знаешь, у меня Пётр». – «А вчера был Сергей, куда же я пойду? Мне не к кому идти. Ладно, подумаю, в крайнем случае, в гостиницу».

Вдруг зазвонил мобильный, Сара быстро залепетала по-еврейски, Иосиф Павлович ничего не понял.

Наконец она закричала: «Сейчас приедут, дедуля, давай собирайся», – и начала лихорадочно его одевать. «Сара, опомнись, куда же я пойду, на улице темно, скоро ночь». Она поцеловала его и вытолкнула за дверь, крича вдогонку: «Дедуленька, ты обязательно позвони, а то я буду беспокоиться!» Ошеломлённый Иосиф Павлович вышел на тёмную улицу, не зная, куда идти, прошёл в парк, который располагался напротив дома, сел на скамейку и почувствовал силь-

ное давление в области сердца.

На улице был мороз. «Что же со мной происходит? Я что, сошёл с ума? Меня сейчас выгнали из моей собственной квартиры! И кто – Сара, да какая она Сара, у евреев принято уважать своих стариков, она не Сара, она выродок, она сука, как я и определил её с первого взгляда». Он с тоской посмотрел на своё окно, в котором мелькали люди, и решил, что сейчас же пойдёт, выгонит всех к чёртовой матери и, если надо будет, вызовет полицию. Но с досадой понял, что именно сейчас не хватит ни физических, ни душевных сил, чтобы встать и всё это проделать. От нервного расстройства и холода он так задрожал, что начал чувствовать, как пульсирует кровь в жилах. «Соня, Сонечка, что же мне делать?» – горестно спросил он свою одну единственную и вечную любовь. Посмотрев на небо, увидел множество ярких звёзд, одна из которых очень сильно мерцала. Прикрыв глаза, начал успокаиваться, а в этой звезде он узнал свою Сонюшку, от которой шло такое согревающее тепло, что, засыпая, он тихо радостно прошептал: «Наконец мы с тобой встретились», – и пошёл навстречу её теплым объятиям.

Сара же жила долго и несчастливо, старость свою проживала в горьком одиночестве, в вечной борьбе с изнуряющими болезнями. Она оказалась никому не нужной, её никто не ждал ни на земле, ни на небе.

Третья молодость, или секс после 70-ти

Мне уже за 70. Истинная женщина никогда не признается в своём возрасте. На пенсии, конечно, работаю, иначе не проживёшь. Еду в своей машине по работе, в самое пробочное время. Раньше я сильно нервничала в такое время, сидя за рулём. Теперь научилась наслаждаться медленной ездой и ежеминутными остановками, просто включаю хорошую музыку и с удовольствием слушаю. Вдруг сквозь приятное звучание музыки я услышала истошный голос мужика, который при этом намеревался выбить мне окно. Но это всё было не страшно, страшны были его слова, которые звучали по всей проезжей части и их слышали все водители. Он кричал: «Старая дура, нажми на тормоза, твоя машина скатывается на мою!» На тормоз я, конечно, нажала, но слова старая, старая, старая (на «дуру» мне было наплевать) ввели меня в какой-то психический шок. И если бы на тот момент в моём бардачке был пистолет, я застрелилась бы наверняка. Впервые в моей жизни меня называли старой, и самое ужасное, что это была правда, которую я долго не хотела замечать. Боже, как хорошо жить в розовых очках, а мне их нагло сорвали! 40 лет подряд по жизни рядом со мной шагал мой верный любовник, с которым мы старились вместе, и моей старости

он не замечал. Мой муж, царство ему небесное, был старше меня на 15 лет, поэтому я для него всегда была молода и красива.

Даже мой внук, как только начал говорить, почему-то стал называть меня по имени и сейчас так зовёт, да я и не против. Как же обидно, что наша нестареющая душа с каждым годом всё больше отстаёт от стареющего физического тела! Что же делать с душой? А может, всё-таки лучше изменить физическое тело. Большинство моих подруг уже давно начали заниматься омоложением своего стареющего лица – хирургическими подтяжками. Со стороны, конечно, не скажешь, что они так уж сильно помолодели, но нестареющая их душа так воспряла и так затуманила им разум, который полностью изменил моих подруг. Они почувствовали себя молодыми, здоровыми, а главное, и никто их уже не мог в этом разубедить. На тот момент я поняла только одно – жить в таком состоянии с раненой душой я уже не смогу: или стреляться, или делать операцию. Почему-то подумав, что лучше умереть молодой, чем старой, я решилась. Операция, конечно, дорогое удовольствие, таких денег у меня не было даже в записке. Но у меня есть верные подруги. Одна из них решила мне выделить деньги из своих гробовых, любезно пообещав, что не умрёт, пока я не отдам долг.

Хирурги, которые ранее занимались моими подругами, почему-то отказали мне в операции, тактично ссылаясь на мой возраст. Но я отказаться от своих намерений уже не мог-

ла. По Интернету вышла на молодого начинающего хирурга (я назвала его мальчиком), который без всяких сомнений с большим удовольствием обещал сделать всё, что я хочу. Конечно, я понимала, что ему нужна была практика, наработка, кролик такой, как я, которого, если даже и испортишь, то особенно видно не будет. Да, мой разум, рыдая, кричал вслед моей разыгравшейся душевной фантазии: «Опомнись, остановись!» Но, как чаще всего бывает, мои чувства одержали победу над моим разумом.

В больнице меня нарядили в голубую рубаху. Неплохо, подумала я, как раз под голубые глазки. Мой мальчикхирург мило улыбался, всё было хорошо. Перед действием наркоза я успела про себя проговорить «Боже, прости мою душу грешную» и уснула. Когда через несколько часов очнулась в палате, мой мальчик, мило улыбаясь, уходя, сказал, что всё прошло хорошо. Посмотрев в зеркало, которое мне преподнесла соседка по палате, я поняла, что боже не простил мою душу грешную. В зеркале отразился надутый шар с двумя маленькими точками и тонкой полоской. Видимо, от испуга и от бессилия я сразу же уснула. Наутро, после снятия повязки, увидела, что воздушный шар был надут как-то неравномерно, словно упавшая с ветки перезревшая груша, а самое главное, разукрашенная в разные цвета – синий, белый, красный, как наш российский флаг. Но мой мальчик опять мило улыбался и, перевязав меня, сказал, что всё прекрасно. Как я могла ему не поверить? Вернувшись домой, я каждую

минуту смотрела в зеркало с большой надеждой увидеть своё лицо. Сейчас мне хотелось только одного – вернуть свой облик, который был до операции, не нужна мне никакая молодость. «Дура, дура, дура», – твердила я слова мужика, позабыв о слове старая.

Сонечка (это моя подруга, которая недавно умерла), мне так тебя не хватает! Я представила, как бы мы сейчас хохотали, хохотали бы до слёз над моим безобразием и всё случившееся со мной превратили бы в фарс и неприятный мелкий жизненный эпизод. Да, Сонечка, это уже отдельный разговор, но не рассказать о ней хоть немного, я не могу. Прекрасная Женщина, моих лет, пенсионерка, бедная, но с богатейшей душой, умная, добрая и гостеприимная, большая оптимистка с необъятным природным юмором. В её доме всегда было спокойно, тепло и уютно, поэтому друзья любили ходить к ней в гости и уходили от неё в отличном настроении.

У Сонечки был любовник на 20 лет моложе, который души в ней не чаял. Он настаивал на женитьбе и венчании, даже принёс свои домашние тапочки, но когда она с доброй улыбкой ответила, что ей нужен любовник, а не муж, то от обиды засунул эти тапочки в кастрюлю с вкуснейшим борщом. В нашем возрасте все семейные отношения уже были в прошлом, а сейчас просто хотелось отдыха и праздника. Из-за неё он перестал любить белые ночи, так как в этот период она отказывала ему в сексуальных утехах. Да, в белые ночи никакими шторами не закроешь физическую разницу в 20

лет. Кстати, умерла она в белые ночи. Врачи констатировали сердечную недостаточность, а я подумала, что сексуальной недостаточности. Если бы он был рядом, то этого могло не произойти. Сейчас без неё он стал каким-то потерянным, никому не нужным, не может найти себе ни молодую, ни старую.

Да, Сонечки больше нет, поэтому три дня и три ночи со всеми переживаниями я провела наедине с самой собой. Никому я не могла открыться в своих деяниях – ни близким, ни, тем более, родным, особенно дочери, и если она когда-нибудь доживёт до моих безумств, то пусть никогда в этом мне не признается, просто я не смогу пережить её переживания.

Три ночи я мучилась бессонницей от боли. Мне казалось, что мой мальчик снял с меня лицевой скальп, а потом заново пришил, но почему-то моими волосами, а не нитками. О ком я могла думать в эти ночи? Конечно, только о себе как о жертве, и о нём, как о моём мучителе, который так безжалостно овладел мной, моей физиономией и моими мыслями. Я даже стала представлять его в своей постели. Боже, что же творится в моей измученной голове? Не задел ли он своим скальпелем мои мозговые извилины? Но через три дня, как он и обещал, боль затихла, и я поехала на осмотр.

По дороге придумывала в его адрес уйму ехидных и вредных фраз, чтобы посильней обидеть его. Терять-то мне уже было нечего. Но встретил он меня очень радушно. И куда делось всё моё ехидство, я сейчас себя не узнавала, где моя

уверенность, наоборот, появилось какое-то странное для меня подобоострашие, и я всё время пыталась своим растянутым ртом хихикать. Да, видок у меня был ещё тот, одним словом, страшный. Правда, цвет лица уже поменялся, у правого глаза был фиолетовый синяк, у левого оранжевый. Но мой мальчик уверил меня, что всё было хорошо и даже прекрасно. Конечно, я ему опять поверила. Следующая встреча была назначена только через три недели. Домой я возвращалась в приподнятом настроении. На улице недалеко от дома, вдруг, нос в нос столкнулась с мужчиной, который своим видом очень напоминал меня, у него также один глаз был с фиолетовым подтёком. По-моему, с одного взгляда он сразу же влюбился в меня, почувствовав во мне родственную душу. Он бежал рядом со мной, постоянно заглядывая в мои глаза, искренно восхищаясь и приговаривая «Какая прекрасная женщина!» и стараясь очень галантно предложить вместе распить бутылочку водочки. Я также галантно, помахав пальчиком перед его носом, ответила, что водку не пью. В этот момент произошло что-то невероятное! Этот мужчина оказался способен на подвиг, и это был великий подвиг для пьющего – он в актёрской позе медленно вынул из-за пазухи открытую бутылку водки и с безразличным видом вылил её около моей парадной. В этот момент я успела открыть входную дверь, влетела на лестничную площадку, лихорадочно нажала на кнопку лифта и вдогонку ещё слышала громкое предложение пойти в кафе на шампанское. «Дама, я за

всё плачу!» В лифте, посмотрев на себя, с удовольствием поняла, что всё ещё нравлюсь мужчинам.

Почему-то необъяснимо меня тянуло к своему учителю, и я с нетерпением отсчитывала недели. Но по мере приобретения своего нормального вида мои чувства бесследно исчезали. Наконец, мы встретились последний раз.

Теперь я поняла, что он был доволен своей работой и искренно восхищался мной, но не как Пигмалион своей Галатеей, а как своей любимой бабушкой, которой помог помолодеть. Если бы только он знал, что три ночи провёл в моей постели, то, наверняка, стал бы зайкой на всю оставшуюся жизнь. Я и сама была довольна собой, пришло время признать, что мой мальчик молодец, хорошо сделал операцию – я значительно помолодела.

Поблагодарив, пожелала ему создать свою Галатею. Хотя великолепно понимала, чтобы создать Галатею, надо быть Пигмалионом.

Много работать, но не ради денег, безумно, безудержно любить женщин, что не каждому дано, и иметь новый, безупречный материал, но не отработанный.

Милые дамы, завидуйте – я помолодела, похорошела, великолепно себя чувствую, а главное, у меня прибавилось много энергии! Куда её девать, не на внуков же. Им и так многое отдано. Хватит давить на них своей жертвенной любовью и своими устаревшими устоями. Пусть развиваются самостоятельно согласно своему времени, а нам надо ста-

раться успевать за этим временем, не дожидаясь их высказываний о том, что мы ничего не понимаем. Необходимо менять свою жизнь и меняться самим. Чем больше перемен, тем жизнь длинней и интересней. Пусть лучше внуки нами восхищаются и стараются нам подражать.

Наверное, уже пришло время встретиться со своим вечным любовником. Он уже начал нервничать и подозревать, не нашла ли я себе другого. В нашем возрасте особенно страшно терять друзей и любовников. Поэтому он встретил меня с громадным букетом роз, но самое интересное, что не заметил во мне никаких перемен. Просто он видел и всегда хотел видеть меня молодой, не видя никаких возрастных изменений. Мне нравилось, что он был женат, никаких претензий, где и почему, а главное, он был такой ухоженный, такой аккуратный и чистенький (я бы точно не смогла содержать его в таком виде). Про себя я уважала его жену, не будет же он жить столько лет с недостойным человеком. Одна из моих подруг 30 лет тому назад увела мужа от женщины, с которой потом подружилась. Они воспитывали вместе своих детей, общих внуков, вместе до сих пор собираются на всех семейных праздниках. Я как-то разговорилась с этой мудрой женщиной на одном из праздников, она мне очень лаконично ответила, что не смогла жить со своим бывшим мужем, а новая жена может, так почему должна держать обиду или зло на неё. Я, конечно, не собиралась дружить с женой моего любовника, но хочу в какой-то мере себя оправдать за

эту длительную связь. Мы с ним начали встречаться задолго до его женитьбы и моего замужества. Так уж распорядилась судьба, что мы пошли разными, но параллельными дорогами, и никто из нас об этом не пожалел. Неизвестно, были бы мы счастливы, если бы создали свою семью. Но физически нас всю жизнь тянуло друг к другу. Ради какой-то непонятной в данном случае порядочности, мы должны были заглушить свои чувства, которые были даны нам откуда-то сверху то ли богом, то ли чёртом.

Я никогда не забуду слова своего покойного мужа, которого очень любила, и жили с ним очень счастливо. Он говорил: «Если ты мне изменяешь, то умоляю, никогда в этом не признавайся даже под дулом пистолета». И он был прав. К чему привели бы эти признания – к полной разрухе и для нас и для всей нашей семьи.

Сейчас, когда мой внешний вид установился, что даже любовник ничего не заметил, я спокойно могу встретиться со своими подругами, которые идут по жизни рядом с самого детства. Они представляют собой большой разноцветный букет. Все такие разные и каждая по-своему хороша. Но, несмотря на возраст, их всех объединяет одна особенность – они все до сих пор любят секс. Я бы сказала – молодцы! Никогда, ни в каком возрасте не надо закрывать свой основной источник энергии – точку, которая по-буддистки называется хуэй-инь, по-русски нам понятно, где она находится. Поэтому мои подруги такие энергичные, оптимистичные и ве-

сёлые, хотя никого из них жизнь особенно не баловала.

У одной муж дружит с её любовником, представленный как друг детства. Друг детства дарит ей много драгоценностей. Нельзя же его осуждать, если у него большое желание осыпать свою любовницу драгоценностями, тем более что у него имеется на это возможность. Слава богу, что муж не догадывается, как ценится его жена, он верит, что все подарки – бижутерия.

Другая живёт на две страны – в России и Германии, приезжая, всегда со смехом просит приготовить ей мальчиков. Она, когда изменила свой нос при помощи пластической операции (раньше он был картошкой), решила, что она баронесса и что её корни из приближенных к царской семье. Самое главное, что впоследствии нашлись документы, подтверждающие достоверность её решения. Немецкому мужу эта новость была очень приятна. А внучка вообще гордится в Германии тем, что её бабушка баронесса из Санкт-Петербурга. Баронесса, значит, баронесса. Вот так, Германия, знай наших женщин! Они коня на скаку остановят, весь житейский груз на себе везут, и в то же время все баронессы и королевны. Подруга только своим трудом заработала на три квартиры в Санкт-Петербурге для себя, дочери и внучке, плюс три дома выстроила в Германии.

Знай наших!

Ещё одна подруга тоже работала всю жизнь как ломовая лошадь. Заработала большой капитал, потом всё потеряла,

потом опять заработала и опять потеряла. А уж столько всего по жизни вынесла, что не каждый смог бы выдержать. Но она выпрямила свои плечи, привела себя в порядок, подняла голову и ходит как королева. Сейчас ищет себе, правда, по Интернету, достойного любовника, хотя все предлагают себя только в качестве женихов в надежде на женитьбу.

Так как мы выходцы из прошлого века, все любим симфоническую музыку, поэтому частенько ходим в филармонию. Вот и сейчас они ждут меня около входа, а я как всегда опаздываю, потому что решила блеснуть своим обновлённым внешним видом. Я надела длинное платье, накинула норковую шубку и надела сапоги на высоком каблуке.

За 30 шагов до встречи я прикинулась летящей птицей с беззаботной улыбкой на лице. Подруги встретили меня с искренним восторгом. Если бы они знали, как у меня ныли от боли ноги, которые больше месяца носили только домашние тапочки! Мы, как всегда, взяв с собой маленькую бутылочку коньяка с шоколадкой, зашли перед началом в буфет и выпили для большего обострения чувств, поболтав о музыке и мужчинах (о внуках у нас не принято говорить в филармонии), вошли в зал. Наконец заняли свои места, я осторожно сняла свои сапоги, положила на них свои измученные ноги и отдалась блаженству. И только сейчас начала понимать, какая прекрасная музыка и какая прекрасная жизнь, для этого просто надо снять с себя тяжёлый и давящий груз.

Закончу этот рассказ своим стихотворением, написанным

своей подруге в честь её юбилея. С этой подругой мы идём по жизни вместе с того момента, как начали ходить, а в пять лет дали друг другу кровную клятву дружить до гроба, скрепив кровью из порезанных перочинным ножом пальцев.

Мы с тобой сумасшедшие дамы,
Так как время нам нипочём,
Мы не видим в годах наших драмы,
Как девчонки по жизни идём.
Боль в суставах замажем усмешкой,
Значит, живы с тобой, ха-ха-ха,
Плохо видим – очки нам с подсветкой
И закроем морщины слегка.
Всё равно мы подкрасимся мило,
На высокий встанем каблук.
Будем выглядеть очень красиво,
И красиво всё будет вокруг!

Если сердце вдруг сильно забьётся,
Значит, живы с тобой, ха-ха-ха,
И мужчина нам вслед улыбнётся,
От мужчин мы пьянеем всегда!

А когда заболят наши ноги
И сердечко занает слегка,
Мы одно лишь у Господа просим –
Не болела бы только душа!

Милые дамы, читая, не осуждайте, оглянитесь вокруг – мы все такие красивые! Только выпрямите свои плечи от тяжести житейских забот и поднимите выше голову, уберите с лица следы своих невзгод, повесьте улыбку, ведь жизнь не обманешь скорбной гримасой, потому что при любых обстоятельствах она хороша!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.